

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА САЙТЕ
www.echr.coe.int В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КОНСТАНТИН МОСКАЛЕВ ПРОТИВ РОССИИ»

(жалоба № 59589/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

7 ноября 2017 года

вступило в силу 5 марта 2018 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Константин Москалев против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова,
Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Фатош Араджы, *Заместитель секретаря Секции*,
проведя 10 октября 2017 года заседание за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 59589/10) против Российской Федерации, поступившей в Европейский Суд 20 сентября 2010 года согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Константина Владимировича Москалева (далее по тексту — «заявитель»).

2. Интересы властей Российской Федерации (далее по тексту — «власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник в указанной должности М. Гальперин.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что его телефон прослушивался в нарушение статьи 8 Конвенции, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении соответствующей жалобы и что производство по возбужденному в отношении него уголовному делу было несправедливым.

4. Жалоба была коммуницирована властям 17 января 2012 года.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1982 года рождения, проживает в Красноярском Крае.

А. Меры наблюдения в отношении заявителя

6. Во время рассматриваемых событий заявитель являлся сотрудником Департамента экономической безопасности Главного управления МВД России по Красноярскому Краю¹.

7. 31 июля 2008 года некий П. обратился в Управление собственной безопасности ГУ МВД по Красноярскому Краю (далее по тексту — «Управление собственной безопасности») с жалобой на вымогательство со стороны заявителя. Заявитель, в частности, требовал деньги за содействие в получении лицензии на розничную торговлю алкогольными напитками, пообещав при этом задействовать свои связи в правительстве края. П. представил Управлению собственной безопасности запись своего телефонного разговора с заявителем, сделанную им ранее в тот же день. В разговоре заявитель требовал, чтобы П. принес ему деньги не позднее 2 августа 2008 года.

8. Сотрудники милиции предложили П. принять участие в оперативном эксперименте, и П. согласился. В тот же день начальником Управления собственной безопасности было вынесено постановление о проведении оперативного эксперимента в отношении заявителя с использованием средств аудио- и видеозаписи.

9. В тот же день (31 июля 2008 года) начальником Управления собственной безопасности было вынесено постановление о прослушивании телефонных переговоров заявителя в отсутствие судебного разрешения на основании части 3 статьи 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту — «Закон об ОРД»). Весь текст постановления гласил следующее:

«[Управлением собственной безопасности] была получена оперативная информация о том, что [заявитель], являющийся старшим сотрудником милиции Департамента экономической безопасности Главного управления МВД России по Красноярскому Краю, вымогает у [П.], являющегося директором общества с ограниченной ответственностью [наименование компании], денежные средства в размере 200 000 рублей за содействие в получении лицензии на розничную торговлю алкогольными напитками. По требованию сотрудника милиции денежные средства должны быть переданы ему в срок с 31 июля по 2 августа 2008 года; точное время и место для передачи денег [заявитель] должен указать заранее по телефону [номер телефона].

Действия [заявителя] содержат признаки преступления, предусмотренного частью 2 статьи 290 Уголовного кодекса [получение взятки] ...

Необходимо провести оперативно-розыскное мероприятие «прослушивание телефонных переговоров» с целью всестороннего и объективного документирования преступных действий [заявителя], сбора доказательств и выявления других участников преступления».

¹ В настоящее время - управление экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления МВД России по Красноярскому краю (примечание переводчика)

10. 1 августа 2008 года исполняющий обязанности начальника Управления собственной безопасности направил письмо заместителю председателя Центрального районного суда города Красноярск, которым поставил его в известность о прослушивании телефонных переговоров заявителя 31 июля и 1 августа 2008 года в оперативном порядке, предусмотренным частью 3 статьи 8 Закона об ОРД. В письме он дословно изложил текст постановления от 31 июля 2008 года о прослушивании телефонных переговоров заявителя.

11. В тот же день (1 августа 2008 года), после прослушивания сотрудниками милиции телефонного разговора между заявителем и П., в ходе которого мужчины договорились встретиться в тот же день, П. были выданы видеокамера, радиопередающее устройство и необходимая сумма денег в купюрах, помеченных специальным составом. Заявитель и П. встретились в автомобиле заявителя, где П. передал заявителю помеченные деньги. Вскоре после этого П. ушел, а заявитель был задержан сотрудниками милиции, которые провели обыск автомобиля и изъяли денежные средства.

Б. Производство по уголовному делу в отношении заявителя

1. Расследование

12. 18 августа 2008 года в связи с описанным выше случаем Следственным комитетом Красноярского Края в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по подозрению в покушении на мошенничество (статья 159 Уголовного кодекса). Заявителя подозревали в покушении на хищение денежных средств коммерческой компании в размере 200 000 рублей.

13. В ответ на ходатайство заявителя о проведении экспертизы записи его телефонных переговоров и видеозаписи его встречи с П. 28 октября 2008 года следователь, ведущий дело, постановил следующее в части, имеющей отношение к ходатайству:

«... вина [заявителя] в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 ...в полном объеме доказана собранными исчерпывающими доказательствами».

14. Аналогичную формулировку следователь использовал в своих постановлениях от 7 ноября 2008 года, 12 декабря 2008 года и 1 апреля 2009 года, которыми заявителю было отказано в удовлетворении различных жалоб.

15. В ответ на жалобы заявителя о незаконности прослушивания телефонных переговоров в отсутствие разрешения суда следователь в своих постановлениях от 7 ноября и 12 декабря 2008 года отметил, что часть 3 статьи 8 Закона об ОРД допускает прослушивание телефонных переговоров в отсутствие судебного разрешения в случаях, не

терпящих отлагательства, с обязательным уведомлением суда в течение 24 часов и получением соответствующего судебного разрешения в течение 48 часов либо, при неполучении такого разрешения, прекращением прослушивания. Постановление о прослушивании телефонных переговоров заявителя было вынесено начальником Управления собственной безопасности в связи с наличием достаточных оснований подозревать заявителя в причастности к совершению тяжкого преступления, предусмотренного частью 2 статьи 290 Уголовного кодекса России. Районный суд был поставлен в известность о прослушивании уже на следующий день, и в тот же день, до окончания срока в 48 часов, прослушивание было прекращено, поэтому оснований для получения разрешения суда не имелось. Следовательно, прослушивание телефонных переговоров заявителя было законным.

2. Судебное разбирательство

16. В ходе судебного разбирательства заявитель оспаривало допустимость всех доказательств, полученных в результате «оперативного эксперимента» и прослушивания его телефонных переговоров. Он, в частности, утверждал, что у сотрудников милиции не было достаточных оснований для осуществления мер наблюдения и что ими не было получено разрешение суда на прослушивание телефонных переговоров.

17. 7 декабря 2009 года Центральный районный суд признал допустимость аудио- и видеозаписей в качестве доказательств. В части, имеющей отношение к данному вопросу, постановление суда гласило:

«... [заявитель] утверждал, что оперативный эксперимент и оперативно-розыскные мероприятия были проведены незаконно, так как проведение такого рода мероприятий допускается только в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений средней тяжести и тяжких преступлений. Полагаю, что на момент вынесения постановления о проведении оперативного эксперимента и других оперативно-розыскных мероприятий в отношении [заявителя], у сотрудников милиции имелась информация о совершении им преступлений, которые в соответствии с законодательством квалифицируются как тяжкие или особо тяжкие (злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки).

По мнению суда, для вынесения постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий достаточным основанием является не столько весь состав преступления, сколько наличие отдельных признаков преступления, по которым [сотрудники милиции] могут определить не окончательную, а предварительную квалификацию преступления...

Суд не согласен с доводами [заявителя] о том, что прослушивание его телефонных переговоров осуществлялось незаконно, так как материалы дела не содержат соответствующего разрешения суда на проведение данного

оперативно-розыскного мероприятия. Оперативно-розыскное мероприятия в отношении [заявителя] осуществлялось в порядке безотлагательности.

Часть 3 статьи 8 Закона об ОРД предусматривает обязательство в течение 24 часов уведомить судью о начале оперативно-розыскной деятельности в порядке безотлагательности и получить соответствующее разрешение в течение 48 часов либо, в случае неполучения такого разрешения, прекратить оперативно-розыскную деятельность.

Суд соглашается [с заявителем] в том, что материалы дела не содержат разрешение суда на проведение оперативно-розыскных мероприятий. Но при этом он отмечает, что судья был поставлен в известность о проведении оперативно-розыскных мероприятий в течение 24 часов, и что в течение 48 часов с начала проведения мероприятий они были прекращены, что соответствует требованиям части 3 статьи 8 Закона об ОРД. Отказа в выдаче судебного разрешения не было. Следовательно, в настоящем деле нарушений положений закона, регулирующего проведение оперативно-розыскных мероприятий, допущено не было...».

18. 22 декабря 2009 года районный суд признал заявителя виновным по всем пунктам обвинения и приговорил его к двум годам и двум месяцам лишения свободы и лишению звания сотрудника милиции. В своем решении суд опирался на показания многочисленных свидетелей, вещественные доказательства, заключения экспертов, а также аудио- и видеозаписи, сделанные 31 июля и 1 августа 2008 года. Суд признал записи подлинными и полученными в предусмотренном законом порядке, повторно изложив при этом обоснование, указанное в постановлении от 7 декабря 2009 года о допустимости доказательств.

19. В своей апелляционной жалобе заявитель в том числе утверждал, что районный суд опирался на незаконно полученные доказательства, в частности на записи его телефонных переговоров, которые были получены в отсутствие разрешения суда. Кроме того, он оспаривал подлинность записей.

20. 8 апреля 2010 года Красноярский областной суд в апелляционном порядке оставил приговор в отношении заявителя без изменений, повторно изложив обоснование, указанное судом первой инстанции. Суд, в частности, отметил, что аудио- и видеозаписи были правомерно признаны допустимыми и достоверными доказательствами.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

21. Краткий обзор положений российского законодательства о прослушивании переговоров и использовании в производстве по уголовному делу сведений, полученных в результате такого прослушивания, изложен в постановлении по делу «Зубков и другие против России» (см. постановление Европейского Суда от 7 ноября

2017 года по делу «Зубков и другие против России» (*Zubkov and Others v. Russia*), жалоба № 29431/05 и две другие жалобы, §§ 40-57).

22. Краткий обзор положений российского законодательства о судебном пересмотре оперативно-розыскных мероприятий изложен в постановлении по делу «Зубков и другие против России» (см. упоминавшееся выше постановление «Зубков и другие против России» (*Zubkov and Others v. Russia*), §§ 58-76).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

23. Европейский Суд по собственной инициативе поднял вопрос нарушения статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции в связи с наличием в распоряжении заявителя эффективного средства правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения его права на уважение частной жизни и корреспонденции. Статья 13 Конвенции гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Приемлемость жалобы

24. Европейский Суд отмечает, что эта часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

25. Власти утверждали, что в распоряжении заявителя имелись эффективные средства правовой защиты в отношении жалоб на прослушивание телефонных переговоров. В частности, заявитель мог подать ходатайство о судебном пересмотре в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса (далее по тексту — «УПК») еще до того, как в отношении него было возбуждено уголовное дело. Более того, заявитель мог поднять этот вопрос в рамках производства по уголовному делу (что он и сделал) путем оспаривания допустимости доказательств, полученных в результате прослушивания

телефонных переговоров. Российские суды установили, что сведения, полученные в результате негласного наблюдения, являлись допустимыми доказательствами, так как они были получены в предусмотренном законом порядке.

26. Заявитель полагал, что единственным имеющимся в его распоряжении средством правовой защиты была подача жалобы на прослушивание в ходе судебного разбирательства по его уголовному делу. Однако суд первой инстанции не стал рассматривать его доводы с необходимой тщательностью.

27. Европейский Суд напоминает, что статья 13 гарантирует наличие средства правовой защиты в отношении жалоб, которые в значении Конвенции могут считаться «небезосновательными». Такое средство правовой защиты должно предусматривать возможность для компетентных органов власти рассматривать жалобы на нарушение Конвенции по существу и присуждать соответствующее возмещение. При этом Высокие Договаривающиеся Стороны обладают определенным пределом усмотрения в части способов исполнения данных обязательств (см. упоминавшееся выше постановление Большой палаты по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (*Hasan and Chaush v. Bulgaria*), жалоба № 30985/96, § 96, ECHR 2000-XI).

28. Объем обязательств Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии со статьей 13 варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя; а «эффективность» «средства правовой защиты» в значении статьи 13 не зависит от вероятности благоприятного для заявителя исхода дела. В то же время средство правовой защиты, требуемое в соответствии со статьей 13, должно быть «эффективным» на практике и обладать законной силой либо с точки зрения предотвращения предполагаемого нарушения или его продолжения, либо с точки зрения предоставления соответствующего возмещения за уже допущенное нарушение (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, §§ 157-158, ECHR 2000-XI; и постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Ананьев и другие против России» (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы № 42525/07 и 60800/08, § 96).

29. В настоящем деле сторонами не оспаривался тот факт, что у заявителя имелась небезосновательная жалоба на нарушение статьи 8 в значении прецедентной практики Европейского Суда и что заявитель таким образом имел право воспользоваться средством правовой защиты, которое бы соответствовало требованиям статьи 13.

30. Власти ссылались на два средства защиты, с помощью которых заявитель мог требовать судебного пересмотра в связи с жалобой на прослушивание своих телефонных разговоров — подача ходатайства о судебном пересмотре в порядке статьи 125 УПК и подача жалобы в суд первой инстанции в связи с недопустимостью использования в

качестве доказательства сведений, полученных в результате прослушивания. Европейский Суд рассмотрит их поочередно.

31. Европейский Суд отмечает, что подача ходатайства о судебном пересмотре в порядке статьи 125 УПК предусматривала лишь пересмотр законности и «обоснованности» прослушивания телефонных переговоров заявителя на основании постановления милиции. Российским законодательством не определены какие-либо существенные критерии «обоснованности» таких действий. В обычном смысле слово «обоснованный» означает лишь «основанный на веских и уважительных причинах». Из этого следует, что законодательство не обязывало суды оценивать вопросы «необходимости в демократическом обществе», в частности не оценивать, отвечало ли оспариваемое постановление насущной социальной потребности, было ли оно соразмерно преследуемым целям, то есть не обязывало их опираться на те принципы, которые составляют основу оценки Европейским Судом жалоб на нарушение статьи 8 Конвенции (см. выше пункт 48).

32. В ряде случаев, касающихся нарушения статьи 8, Европейский Суд уже приходил к выводу, что судебный пересмотр, который не позволяет оценить оспариваемое вмешательство с точки зрения его соответствия «насущной социальной потребности» и соразмерности преследуемой цели, не может отвечать требованиям статьи 13 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» (*Smith and Grady v. the United Kingdom*), жалобы №№ 33985/96 и 33986/96, §§ 135-39, ECHR 1999-VI; постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» (*Peck v. the United Kingdom*), жалоба № 44647/98, §§ 105-07, ECHR 2003-I; и постановление Европейского Суда по делу «Киган против Соединенного Королевства» (*Keegan v. the United Kingdom*), жалоба № 28867/03, §§ 40-43, ECHR 2006-X).

33. Что касается второго предложенного властями средства защиты, которым заявитель воспользовался в суде первой инстанции оспорив допустимость доказательств, полученных в результате прослушивание его телефонных переговоров, то Европейский Суд считает, что в рамках разбирательства по уголовному делу суды не могли предоставить эффективного средства правовой защиты. Суды могли рассматривать вопросы справедливости судебного разбирательства по уголовным делам в связи с приобщением доказательств, но не могли рассматривать по существу жалобы на нарушение Конвенции в связи с вмешательством в право заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции, которое не было осуществлено «в соответствии с законом» и не было «необходимым в демократическом обществе»; не могли они и обеспечить надлежащего средства защиты в связи с такой жалобой (см. постановление

Европейского Суда по делу «Хан против Соединенного Королевства» (*Khan v. the United Kingdom*), жалоба № 35394/97, § 44, ECHR 2000-V; постановление Европейского Суда по делу «Р. Г. и J. Н. против Соединенного Королевства» (*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*), жалоба № 44787/98, § 86, ECHR 2001-IX; упоминавшееся выше постановление по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), § 59; постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Ирфан Гюзел против Турции» (*İrfan Güzel v. Turkey*), жалоба № 35285/08, §§ 106-07; и см. для сравнения постановление Европейского Суда от 15 января 2015 года по делу «Драгоевич против Хорватии» (*Dragojević v. Croatia*), жалоба № 68955/11, §§ 35, 42, 47 и 72; постановление Европейского Суда от 31 марта 2016 года по делу «Шантаре и Лабазников против Латвии» (*Šantare and Labazņikovs v. Latvia*), жалоба № 34148/07, §§ 25 и 40-46; постановление Европейского Суда от 20 декабря 2016 года по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), жалоба № 20933/08, §§ 20 и 77-79). Поэтому Европейский Суд соглашается с тем, что предложенное властями оспаривание негласного наблюдения в рамках уголовного судопроизводства не может считаться эффективным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 8.

34. Других средств правовой защиты власти не предлагали.

35. В итоге Европейский Суд полагает, что в распоряжении заявителя не было эффективного средства правовой защиты, с помощью которого можно было бы оценить принятые в отношении него меры наблюдения с точки зрения их «соответствия закону» и «необходимости в демократическом обществе».

36. Следовательно, было допущено нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

37. Заявитель жаловался на нарушение своего права на уважение частной жизни и корреспонденции в связи с прослушивание его телефонных переговоров. Он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков

или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость жалобы

38. В первую очередь Европейский Суд отмечает, что сторонами не оспаривалось соблюдение заявителем шестимесячного срока. Жалоба действительно была подана заявителем в течение шести месяцев с даты вынесения окончательного решения по его уголовному делу. Важно отметить, что о негласном наблюдении заявитель узнал в ходе производства по данному уголовному делу. Сторона обвинения использовала полученные в результате наблюдения материалы в качестве изобличающего его доказательства. Европейский Суд считает логичной в таких обстоятельствах попытку заявителя привлечь внимание российских судов к своим жалобам посредством их заявления во время судебного разбирательства. В заявлениях сторон Европейский Суд не усматривает каких-либо оснований полагать, что заявителю было известно или должно было быть известно о бесполезности таких жалоб. Российские суды действительно могли рассмотреть (что они и сделали) вопрос законности наблюдения и, таким образом, рассмотреть, по сути, часть жалобы заявителя на нарушение положений Конвенции. Европейский Суд в обстоятельствах настоящего дела не видит оснований упрекать заявителя в попытке привлечь внимание российских судов к своим жалобам с помощью средства правовой защиты, которое он ошибочно считал эффективным (см. аналогичное обоснование в упоминавшемся выше постановлении по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), §§ 77-79).

39. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу о соблюдении заявителем правила шестимесячного срока.

40. Европейский Суд отмечает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

41. Власти утверждали, что российское законодательство соответствует предусмотренным Конвенцией требованиям о «качестве закона». В частности, законодательством четко определен характер преступлений, на основании которых может быть вынесено постановление о прослушивании. Для прослушивания телефонных и

иных переговоров требуется разрешение суда за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Порядок действий в случаях, не терпящих отлагательства, предусматривает процессуальные гарантии, в частности обязательное уведомление судьи в течение 24 часов и получение разрешения в течение 48 часов, либо, при неполучении такого разрешения, прекращение прослушивания.

42. Власти утверждали, что прослушивание телефонных переговоров заявителя осуществлялось в предусмотренном законом порядке. У сотрудников милиции имелись в отношении него подозрения в получении взятки, поэтому ими было вынесено постановление об осуществлении мер наблюдения в порядке, предусмотренном для случаев, не терпящих отлагательства. Судья был поставлен в известность о прослушивании телефона в течение 24 часов, а в течение 48 часов прослушивание было прекращено, что означает, что требования российского законодательства были выполнены. У заявителя было право обратиться с ходатайством о судебном пересмотре осуществленных в отношении него мер наблюдения.

43. В заключение власти утверждали, что прослушивание телефона заявителя было «необходимым в демократическом обществе». В частности, прослушивание преследовало цель пресечения совершаемого тяжкого преступления и сбора изобличающих заявителя доказательств. Применение процедуры, предусмотренной для случаев, не терпящих отлагательства, было обоснованным.

44. Заявитель утверждал, что его телефон прослушивался в отсутствие соответствующего разрешения суда, что означает, что прослушивание телефона было незаконным. Российские суды не рассматривали вопрос оправданности применения процедуры, предусмотренной для случаев, не терпящих отлагательства, в обстоятельствах его дела. Более того, прослушивание телефона не было «необходимым в демократическом обществе», поскольку не существовало «обоснованных подозрений» в получении заявителем взятки.

2. Оценка Суда

45. Европейский Суд согласен с не оспариваемым сторонами утверждением, что прослушивание телефонных разговоров заявителя являлось вмешательством в его право на уважение «частной жизни» и «корреспонденции», гарантированные статьей 8 Конвенции.

46. Европейский Суд напоминает что такое вмешательство является нарушением статьи 8 кроме тех случаев, когда оно осуществляется «в соответствии с законом», преследует одну или несколько законных целей, указанных в пункте 2, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей (см. среди

прочих источников постановление Европейского Суда от 8 марта 2011 года по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), жалоба № 12739/05 § 45).

47. Формулировка «в соответствии с законом» требует, чтобы оспариваемая по делу мера имела какие-то основания в национальном законодательстве и соответствовала принципу верховенства права, который прямо упоминается в преамбуле Конвенции и неразрывно связан с объектом и целью статьи 8 Конвенции. Таким образом, закон должен отвечать требованиям о качестве закона, то есть он должен быть доступен соответствующему лицу, а последствия его применения — предсказуемыми (см. постановление Большой Палаты по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), жалоба № 47143/06, § 228, ECHR 2015).

48. Вмешательство считается «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели в том случае, если оно отвечает «насущной социальной потребности» и, в частности, соразмерно преследуемой правомерной цели и если основания, на которые ссылаются национальные органы власти, являются «соответствующими и достаточными». Хотя первоначальная оценка всех этих вопросов производится национальными властями, окончательное определение необходимости вмешательства подлежит контролю со стороны Европейского Суда на предмет его соответствия требованиям Конвенции (см. постановление Большой Палаты по делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства» (*S. and Marper v. the United Kingdom*), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, § 101, ECHR 2008). В контексте негласного наблюдения такая оценка зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер, объем и продолжительность наблюдения, основания для разрешения негласного наблюдения, компетентные органы, уполномоченные разрешать, осуществлять и контролировать наблюдение, а также вид средств правовой защиты, предусмотренных внутригосударственным законодательством. Европейский Суд должен установить, представляют ли собой процедуры по надзору за разрешением и осуществлением ограничительных мер такое «вмешательство», которое «необходимо в демократическом обществе» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), § 232).

49. Что касается вопроса законности, то сторонами не оспаривался тот факт, что основания прослушивание телефонных переговоров заявителя осуществлялось на основании российского закона, в частности на основании части 3 статьи 8 Закона об ОРД, которая предусматривает порядок действий в случаях, не терпящих отлагательства.

50. Заявитель не жаловался на несоответствие качества внутригосударственного закона стандартам Конвенции, однако при рассмотрении соответствия оспариваемого вмешательства закону Европейский Суд должен провести оценку соответствующего внутригосударственного закона с точки зрения основополагающих принципов верховенства права (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Драгоевич против Хорватии» (*Dragojević v. Croatia*), § 86). В связи с этим Европейский Суд отмечает, что в деле «Роман Захаров против России» (упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*)) он уже признавал несоответствии закона требованиям о «качестве закона» в связи с тем, что его положения, регулирующие вопросы прослушивания переговоров, не предусматривали надлежащих и эффективных гарантий от произвольного его применения и вероятных злоупотреблений. Соответственно, данный закон не способен ограничить «вмешательство» только теми случаями, когда оно необходимо «в демократическом обществе» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), §§ 302-04). Однако в настоящем деле жалоба заявителя касалась конкретного и неоспоримого случая негласного наблюдения. Несмотря на то, что оценка Европейский Судом «качества закона» носит отчасти отвлеченный характер, она не может быть столь же общей, как в делах, подобных делу Романа Захарова (такие дела касаются жалоб общего характера на закон, допускающий возможность осуществления негласного наблюдения). В таких делах Европейский Суд в силу необходимости и отступая от обычной практики провести полностью отвлеченную оценку закона. Как правило, в случае индивидуальных жалоб Европейский Суд должен обращать внимание не столько на закон, сколько на способ его применения к заявителю в конкретных обстоятельствах дела (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), § 48).

51. В деле Романа Захарова Европейский Суд пришел к выводу, что «порядок действий в случаях, не терпящих отлагательства» в порядке части 3 статьи 8 Закона об ОРД, не предусматривает достаточных гарантий умеренного применения данной статьи и только в тех случаях, когда такое применение является надлежащим образом обоснованным. В частности, несмотря на то, что российским законом предусмотрено требование незамедлительно уведомить судью о прослушивании в случае, не терпящим отлагательства, полномочия такого судьи ограничиваются продлением срока прослушивания более чем на 48 часов. У судьи нет полномочий оценивать оправданность применения процедуры, предусмотренной для случаев, не терпящих отлагательства, или принимать решение о сохранении либо

уничтожении сведений, полученных в течение предшествующих 48 часов (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), § 266).

52. Европейский Суд полагает, что недостатки «процедуры в случаях, не терпящих отлагательства», обозначенные им в постановлении по делу Романа Захарова, в настоящем деле проявились в полной мере. Судья действительно был поставлен в известность о прослушивании телефонных переговоров заявителя в порядке, предусмотренном для случаев, не терпящих отлагательства. Но при этом судья не осуществила судебного пересмотра постановления милиции о прослушивании телефона заявителя. Ни один государственный орган, который бы был независимым от органов, осуществляющих прослушивание, не оценил применение процедуры, предусмотренной для случаев, не терпящих отлагательства, с точки зрения его оправданности, наличия у сотрудников милиции на момент вынесения постановления обоснованных подозрений в совершении заявителем преступления, «необходимости» вмешательства «в демократическом обществе», и, в частности, с точки зрения соразмерности данной меры преследуемой законной цели. Следовательно, прослушивание телефонных переговоров заявителя в порядке, предусмотренном для случаев, не терпящих отлагательства, осуществлялось в отсутствие гарантий от произвольного прослушивания.

53. Соответственно, было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

54. Заявитель жаловался на то, что обвинительный приговор ему был вынесен на основании незаконным образом полученных записей. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...».

55. Власти утверждали, что доводы заявителя о недопустимости записей в качестве доказательства были рассмотрены и отклонены судами первой и апелляционной инстанции. Судами было установлено, что записи были полученные в предусмотренном законом порядке. Более того, эти записи не являлись решающим доказательством по делу заявителя. Российские суды опирались и на другие доказательства. Следовательно, осуждение заявителя было справедливым.

56. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

57. Европейский Суд напоминает, что в его обязанности в принципе не входит решение вопроса о допустимости определенных видов доказательств, например о допустимости доказательств, полученных незаконным с точки зрения национального законодательства образом, или вопроса о виновности или невиновности заявителя. Вопрос, на который Суд должен дать ответ, заключается в том, являлось ли производство, в ходе которого были получены данные доказательства, справедливым в целом. При решении вопроса о справедливости производства в целом необходимо учитывать соблюдение или несоблюдение прав стороны защиты. В частности, необходимо установить, была ли заявителю предоставлена возможность оспорить достоверность доказательств и их использование. Кроме того, необходимо принять во внимание вопрос качества доказательств и рассмотреть при этом вопрос наличия или отсутствия оснований сомневаться в их достоверности или точности с учетом обстоятельств, при которых они были собраны. Отсутствие каких-либо материалов, подтверждающих собранные доказательства, не обязательно означает, что производство было несправедливым. Стоит отметить, что при наличии убедительных доказательств, полученных в обстоятельствах, которые исключают какие-либо сомнения в их достоверности, представление подтверждающих доказательств не столь обязательно (см. постановление Большой Палаты от 10 марта 2009 года по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), жалоба № 4378/02, §§ 89 и 90).

58. В настоящем деле у заявителя была возможность оспорить законность и достоверность доказательств, собранных в результате негласного мероприятия, как в суде в рамках состязательного производства, так и в апелляционной жалобе. Суды рассматривали все его доводы и обоснованно их отклоняли. Европейский Суд отмечает, что заявитель не жаловался на процедуру принятия судами решений относительно допустимости доказательства.

59. Кроме того, Европейский Суд придает большое значение тому, что записи его телефонных переговоров были не единственным доказательством, положенным в основу обвинительного приговора; видеозаписи были подкреплены другими доказательствами (см. аналогичное обоснование в постановлении Европейского Суда от 12 июля 1988 года по делу «Шенк против Швейцарии» (*Schenk v. Switzerland*), §§ 48, Серия А № 140; и в упоминавшемся выше постановлении по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), §§ 96-98).

60. В данных обстоятельствах Европейский Суд считает, что использование в судебном разбирательстве доказательств, полученных в результате прослушивания телефонных переговоров, не

противоречит требованиям о справедливости, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Производство по делу заявителя, в том числе способы получения доказательства, было в целом справедливым.

61. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 2 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

62. Заявитель жаловался на нарушение права считаться невиновным в связи с утверждениями, изложенными следователем в его постановлениях. Он ссылаясь на пункт 2 статьи 6 Конвенции, который гласит:

«2. «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена в законном порядке».

63. По словам властей, следователь в своих постановлениях утверждал, что вина заявителя был доказана собранными в ходе расследования доказательствами. Данное утверждение не является нарушением права заявителя считаться невиновным. Следователь всего лишь использовал стандартную процессуальную формулировку, которой пользуются органы уголовного преследования. Это утверждение еще нужно было доказать в суде в ходе состязательного производства.

64. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

65. Европейский Суд напоминает, что презумпция невиновности, закрепленная в пункте 2 статьи 6 Конвенции, является одним из элементов справедливого судебного разбирательства по уголовному делу, предусмотренного пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Заявление официального должностного лица относительно лица, обвиняемого в совершении уголовного преступления, содержит мнение о его виновности до того, как вина такого лица будет доказана в соответствии с законом, приводит к нарушению данной презумпции. Даже в отсутствие каких-либо официальных выводов к такому нарушению может привести аргументация, позволяющая предположить, что должностное лицо считает обвиняемого виновным. Принцип презумпции невиновности может быть нарушен не только судьей или судом, но и другими должностными лицами (см. постановление Европейского Суда от 10 февраля 1995 года по делу «Аллене де Рибемон против Франции» (*Allenet de Ribemont v. France*), §§ 35 и 36, Серия А № 308). Вопрос о том, нарушает ли заявление

государственного должностного лица принцип презумпции невиновности, должен решаться в контексте конкретных обстоятельств, в которых было сделано оспариваемое заявление (см. постановление Европейского Суда по делу «Дактарас против Литвы» (*Daktaras v. Lithuania*), жалоба № 42095/98, § 43, ECHR 2000-X).

66. В настоящем деле следователь в нескольких постановлениях, принятых им в ходе расследования, утверждал, что «вина [заявителя] ... [в полном объеме доказана собранными исчерпывающими доказательствами]».

67. Европейский Суд уже рассматривал похожую формулировку, использованную прокурором в деле Дактарас (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Дактарас против Литвы» (*Daktaras v. Lithuania*)), и пришел к выводу, что она не нарушает принцип презумпции невиновности. Несмотря на то, что Европейский Суд счел неудачным выбор прокурором слов, он отметил, что прокурор не делал как оспариваемых заявлений в контексте, не связанном с производством по уголовному делу, например в ходе пресс-конференции. Такое заявление было им сделано в ходе обоснования постановления, вынесенного на предварительном этапе производства. Учитывая контекст, в котором было сделано данное заявление, Европейский Суд пришел к выводу, что прокурор имел в виду не доказанность вины заявителя доказательствами (поскольку прокурор не имеет права решать такого рода вопросы), а наличие в материалах делах достаточного количества доказательств вины заявителя для передачи дела в суд первой инстанции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Дактарас против Литвы», §§ 44-45 (*Daktaras v. Lithuania*, §§ 44-45)).

68. В настоящем деле само утверждение и контекст, в котором оно было сделано (обоснованное процессуальное постановление, вынесенное в ходе расследования, а не заявление, сделанное для прессы или в другом, не связанном с уголовным делом контексте) аналогичны заявлению и контексту в деле Дактараса. Поэтому Европейский Суд не находит оснований для иных выводов. Суд полагает, что оспариваемое утверждение было неудачно сформулировано, но при этом оно не нарушало принципа презумпции невиновности.

69. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

70. В заключение Европейский Суд рассмотрел остальные жалобы заявителя и, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той степени, в которой данные жалобы относятся к его компетенции, пришел к выводу об отсутствии признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

71. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что было допущено нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

72. Заявитель требовал выплаты 30 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Кроме того, он требовал выплаты 640 000 рублей за неполучение жалованья во время содержания под стражей.

73. Власти утверждали, что заявитель не представил никаких документов, доказывающих обоснованность его требований о компенсации материального ущерба и морального вреда. По мнению властей, сам факт установления нарушения будет достаточной справедливой компенсацией.

74. Европейский Суд отмечает, что решение о привлечении заявителя к уголовной ответственности и заключении его под стражу не было предметом его рассмотрения в настоящем деле. Между выявленными нарушениями и заявленной потерей доходов нет никакой причинно-следственной связи. Поэтому Европейский Суд отказывает в удовлетворении требований заявителя о компенсации материального ущерба. При этом Суд присуждает заявителю 7 500 евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда.

Б. Судебные расходы и издержки

75. Заявитель требовал выплаты 60 000 рублей (около 1 540 евро) в качестве возмещения расходов, связанных с услугами законного представителя в российских судах, и представил соответствующее соглашение о выплате адвокату вознаграждения. Кроме того, он требовал выплаты 23 500 рублей (около 600 евро), но никаких подтверждающих документов не представил, утверждая, что соответствующее соглашение о выплате адвокату вознаграждения было утеряно. Он также требовал выплаты 1 670 рублей (около 43 евро) в качестве возмещения почтовых расходов и представил соответствующие квитанции.

76. Власти утверждали, что заявитель не представил никаких документов, подтверждающих фактическую выплату вознаграждения адвокату.

77. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, являлись необходимыми и разумными. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанные выше критерии Европейский Суд считает целесообразным присудить в настоящем деле сумму в размере 1 000 евро в качестве возмещения всех судебных расходов и издержек плюс любые налоги, которыми эта сумма может облагаться.

В. Проценты за просрочку платежа

78. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признал* жалобу в части предполагаемого нарушения права заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции и в части отсутствия эффективного средства правовой защиты приемлемой, а остальные части жалобы — неприемлемыми;
2. *Постановил*, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;

3. *Постановил*, что было допущено нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции;
4. *Постановил*,
- (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы в валюте государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 1 000 евро (одну тысячу евро) плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода начисления пени плюс три процентных пункта.
5. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 7 ноября 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджи
Заместитель секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель